

*Михаил ТУРБИН***ВЫСОКИЙ ГРАДУС**

О, сколько было на крови
Благих порывов, мать честная!
Как будто ненависть любви
Вела к вратам земного рая.
Но был же, был же свет во

мгле:

Шли всё уверенней,
свободней...

Да оказались в преисподней —
В огромном рыночном котле.
Кипим страстями запоздало
За все безбожные дела.
Язык чернеет, здравых мало
В высоком градусе котла.
Какой накал, какая ярость!
Но в суете кипим, кипим...
Должна же ненависть, как дым
Сойти, чтобы любовь осталась.

РАЗДУМЬЕ

Годы-невзгоды, раздумий
разливы,
Зерна надежды в горсти.
Сколько же Родине нужно
счастливых,
Чтобы себя обрести?

Чаше встречаются хмурые
лица,
Что не дружны меж собой.
Перед какою бедою сплотиться,
Встать монолитной стеной?

Вызовы есть, а ответы — негожи
Или не те иногда.
Сил маловато... И все же, и все же:
Кто нас сплотит и когда?

«Русские!» — слышится реже и
реже.

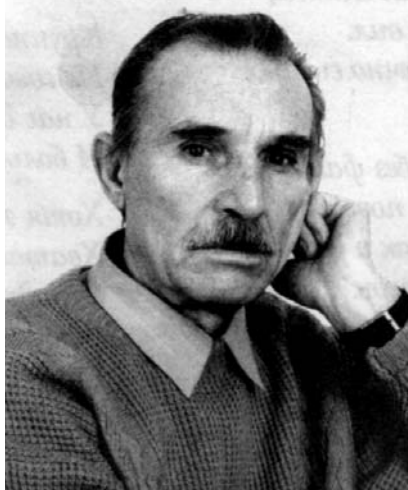
Сузился отчий простор.
Кто-то смыкает лукавые вежды,
Русских не видит в упор.

«Воля слаба, а свобода спесива»...
Нужен от слов передых.
Мало счастливых среди
совестливых —
Больше бы тех и других.

НА ОТЦОВЩИНЕ

Пахнет веками овражная глина,
Сыплется свежая, словно для
памяти...
Вот она Родина! — та, что не
сгибла,
С куполом храма на древнем
фундаменте.

Тонет в садах городская окраина,
Вынырнуть хочет среди
перелесков

Вместе с грачами, которых
надранла
Кремом сапожным до яркого
блеска.

Рядом завод напряженно
рокошет,
Дышит станками на полную
мощность.
Здесь я когда-то трудился
рабочим,
Утром вливался в чумазую
общность.

Общность надёжную
в радостях-бедах.
Зря говорят, что исчезла,
разбита...
Зря ли схлестнулись до полной
победы
Дух трудолюбцев и дух
паразитов?

Бой продолжается — вижу по
лицам:
Стало улыбок побольше, чем
хмури.
То ли Христос растворяется в
ливенцах,
То ли расчетливый, хитрый
Меркурий?

— «Кто мы? Откуда?» —
несётся нередко
Глупость вопросов в газетном
разливе.
Лично я знаю по собственным
предкам:
Русским родился и родом из
Ливен.

Сыплется глина могильная
прятко,
Память тревожит душевные
раны...
Малая родина — сердцу
подпитка —
Воздух вдыхая, как прежде
заманный.

*Владимир ПЕРЕВЕРЗЕВ***ДЕРЕВУШКА**

Словно осторожной рукою
Кто-то тронул сонные дома,
И за вечерющей рекою
Прокатались тихие грома.

Далеко, как будто бы телегу,
Тяжело нагруженную, вброд,
По камням в преддверии
ночлега

Конь уставший медленно везет.

Я люблю грозу, но умолкает
Дальний гром, все дальше
за рекой
Молния беззвучная сверкает
Тютчева таинственной
строкой.

Эти грозы даже на мгновенье
Никогда уже не полыхнут.
Капли одинокие прозренья
На поля бесплодно упадут.

Вот и все, и снова стороною
Грозовая туча обойдет,
Разве что придавит тишиною,
Разве пыль на большаке
прибьет.

Разве выйдет на порог
старушка
В темном пламенеющем
платке,
Чтобы вместе с тихой
деревушкой
Долго плыть по медленной
реке.

*Андрей ФРОЛОВ***ХОРОШЕМУ ЧЕЛОВЕКУ**

Слава Богу, что он еще молод!
Значит, много успеет еще.
В изнуряющий, мертвенный
холод

Кто-то скажет о нем:
«Горячо...»

А пока в легкомысленной кепке,
В длиннополом плаще

Он шагает — движения крепки,
Отражается небо в глазах.

Безмятежно расправлены
плечи,
И спокойна широкая грудь.
Он покуда никем не замечен,
Он еще только начал свой
путь.

ИНОСКАЗАНИЕ

**СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ
ПО-КАВКАЗСКИ**

Раньше мопсистый Мих-
рютка-сукашвили от Ивани-
ща ни на шаг. Получал боль-
шие куски, клялся в дружбе.
Носил в зубах виноградную
ветку, гортанно и преданно
выл:

— Мы пьем с Ваньцом вин-
цо с воньцой...

Но когда из-за бугра потя-
нуло сладким, Михрютка без
раздумий побежал на запах.

Ушёл и ушёл, шут бы с ним.
Да только скоро мопс явился.
И не хухры-мухры, а с бума-
гой от другого хозяина.

Бумага говорила, что по-
лукровный мопс теперь впол-
не сам по себе и подготовлен
работать собакой в горволье-
ре.

Учили его, как оказалось,
целево. Показывали план
Иванова двора и приказыва-
ли:

— Голос!

Мопс лаял, сучил ногами и
сучился. Входил в такой раж,
что вывернутые губы кривило
судорогой. Знал: за бугром
кормят хорошо.

За старание посадили его
на самую передовую службу.

Он не подвёл, бдил. Вздума-
ет кто-то выскочить из го-
ристого вольера — у Михрют-
ки аж пена по беспородной
морде. Визга, воя!

Такого дипломированного
сукушвили можно б уважать,
если бы он лишь из хозяйских
рук куски брал. Ан ведь загла-
тывает от всех, кто подаст.

И особенно сочные куски
требует у тех, кого облаива-
ет.

А больше всего он гавкает,
как приказано, — на соседа
Ивана. Тот сильно забугорью
мешает.

Угрюмый Иванище ши-
рок в плечах, вохловат в хо-
зяйстве и подставляет шта-
ны для укусов любой шавке. А
главное, ворота на засов ни-
когда не запирает: бери с его
двора сколько хочешь и свой,
и чужой.

Мопс, спущенный с цепи в
ночь, тоже по-соседски жи-
вился: то плохо лежащей са-
харной косточкой, душистой,
как газовый платок, то саль-
ным шматком, мерцающим,
как электричество.

Ухватит, выскочит, сожрёт
— и полагает на тёмное окно.
Да ещё и глаза вдаль скосит:
хозяин на том краю слышит
ли, как он тут молчаливого
Иванищу костерит?

Но вдруг случился у Вани
крупный взлом. Какие-то шака-
люги — может, даже из горво-
льера — прогрызли в амбаре
дыру да сквозь неё и стащили
ближние ухороны. Как раз те,
о которых мопсяра давно
мыслил, считал чуть ли не
своими.

Не стало ему мниться ни
газом, ни электросветом. Го-
лодно и холодно, а новый хо-
зяин далеко. Тому этот горист-
тый вольер затем только и
нужен, чтоб Иванища уест.

Ладно, сейчас послужим.

— Это Иван сам свой ам-
бар продырявил! — лает Мих-
рютка и оглядывается, ждя
похвалы.

За бугром тишина.
— Блокада, саботаж, пору-
шение прав человека и соба-
ки!

Тишина.
«Что же ты, хозяин? — вы-
тряхнув блоху из уха, сказал
про себя Михрютка. — Я как
ты учил кричу».

Но делать нечего, надобно
продолжать. Зябко уминая
лапами снег, набрал воздуха
и отчаянно выдал на самой
высокой ноте:

— Это Иванище насыляет
на всех морозы!

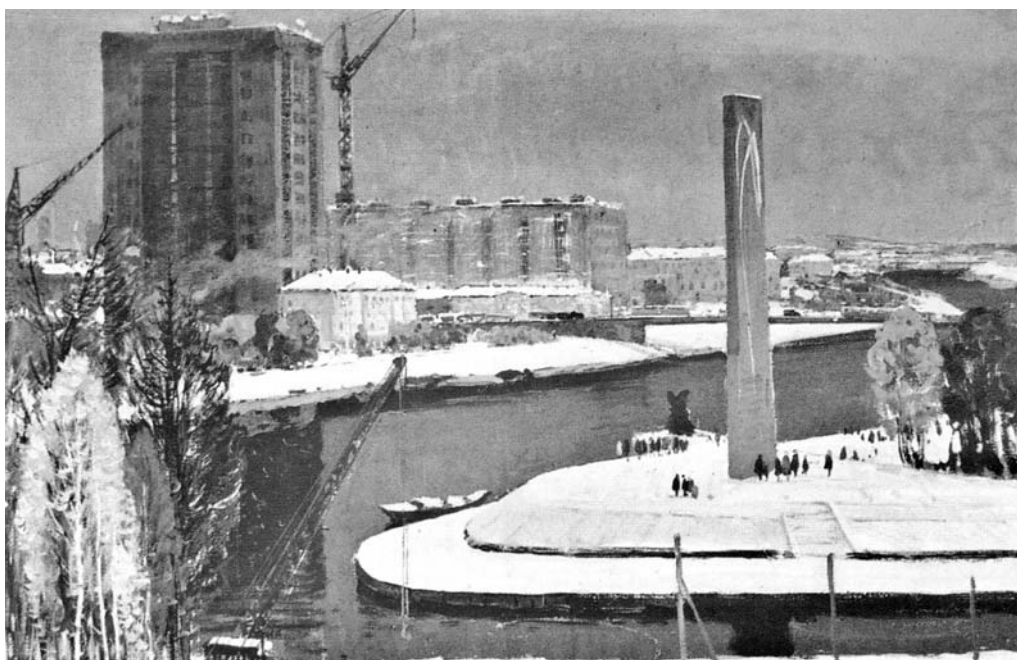
Бесполезно. Кто будет та-
кую откровенную дурь соба-
чью слушать?

«Кажется, сморозил... Как
бы не турнули, вах. Придётся
потом снова петь про винцо с
воньцой...», — тоскливо по-
думал мопсина.

И ведь спел бы. Да Иван,
дурень, слишком быстро за-
делал в амбаре искорежен-
ную дырявую стену. Честный,
вишь ты, — знает, что без его
тёплых ухоронок все вороват-
ые шавки в округе передох-
нут.

А что Михрютка? А про-
должает сыто гавкать из
обогретого вольера.

Ну ничего, всё равно за-
поёт.

Юрий ОНОПРИЕНКО.

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

ЗИМА И ЛЕТО

Поезд пригородной зоны
Засверкает, как этаж
Новостройки освещенной.
Снег летит на лес и пляж.
Никого на дачах нету,
Тишина звенит в ушах.
Эта белая планета
В двух от города шагах.
В трех от города минутах
Ничего не узнаю —
Все белым-бело, как будто
Я у света на краю.
Замело сыпучим снегом,
Ветром дунув, унесло
Всё, что здесь под синим небом
Летом пело и цвело,
Магнитолами гремело
У веселых теремов.
Снег летит спокойный, белый,
Как забвение само.
Вот оно какого цвета!
Край какой? Который век?

Ничего на свете нету,
Только белый, белый снег.

*Александр ЕЛЕСИН.
Ветеран труда.
г. Мценск.***ПОСЛЕ ДОЖДЯ**

Отсверкали молнии салютом,
Сильный дождь по крышам отступал.
Как на тонких стропях парашюта,
Мир висит на солнечных лучах.

Истончаясь, тают, тают тучи,
Небо снова стало голубым.
Сад теперь умытый и пахучий,
И туман плывёт, как лёгкий дым.

Соловьи поют, не умолкая;
И в душе рождаются стихи —
В них шептанье трав, напевы мая,
Тихий стон надломленной ольхи...

*Анатолий БОГАТЫРЁВ.
г. Орёл.*